

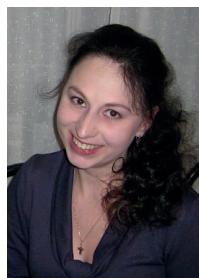

¹ Дашковский П.К., ² Шершнева Е.А.

^{1,2} Алтайский государственный университет
^{1,2} 656049, Россия, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66
¹ dashkovskiy@fjpn.asu.ru
² D2703@yandex.ru

П.К. Дашковский

Е.А. Шершнева

Организация военной службы мусульманского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.

Аннотация. Статья посвящена анализу организации военной службы мусульманского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Источниковой базой исследования стали архивные материалы, хранящиеся в фондах Российского государственного исторического архива, Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан и Государственного архива Красноярского края, а также нормативно-правовые акты, регламентирующие процесс несения воинской службы в вооружённых силах Российской империи. На основании рассмотренных источников был сделан вывод, что проводимые реформы не давали в полной мере желаемых результатов. Имперская власть рассматривала армию как инструмент унификации поликонфессионального населения страны. Со второй половины XIX в. выросла численность мусульман в вооружённых силах России. Однако вопрос, связанный с организацией их духовной жизни, так и не был до конца решён. Более того, мусульманское население Сибири рассматривалось как не совсем благонадёжное. Такой позицией государства и объяснялось освобождение части сибирских мусульман от обязательной воинской повинности. В то же время отказ от воинской повинности со стороны мусульманского населения не всегда свидетельствовал об их неблагонадёжности. Мусульмане опасались за сохранение своей религиозной идентичности и за то, что у них не будет возможности отправлять религиозные обряды. Несмотря на все опасения, мусульмане Сибири демонстрировали преданность российскому престолу как в годы Первой мировой войны, так и в период революционных событий в стране.

Ключевые слова: ислам, мусульмане, Сибирь, вооружённые силы, мулла, государственно-конфессиональная политика

¹ Petr K. Dashkovskiy, ² Elena A. Shershneva

^{1,2} Altai State University
^{1,2} 66 Dimitrova str., Barnaul, 656049, Russia
¹ dashkovskiy@fjpn.asu.ru
² D2703@yandex.ru

Organization of the Military Service of the Muslim Population of Siberia in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries

Abstract. The article analyzes the organization of the military service of the Muslim population of Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries. The source base for the study was archival materials stored in the funds of the Russian State Historical Archive, the Central State Historical Archive of the Republic of Bashkortostan and the State Archive of the Krasnoyarsk Territory, as well as legal acts regulating the process of military service in the armed forces of the Russian Empire. According to the sources reviewed, the authors concluded that the ongoing reforms did not fully give the desired results. The imperial authorities considered the army as an instrument for the unification of the country's multi-confessional population. From the second half of the 19th century, increased the number of Muslims in the armed forces of Russia. However, the issue related to the organization of their spiritual life has not been fully resolved. Moreover, the Muslim population of Siberia was seen as not entirely trustworthy. This position of the state explained the exemption of part of the Siberian Muslims from compulsory military service. At the same time, the refusal of military service by the Muslim population did not always testify to their unreliability. Muslims feared for the preservation of their

religious identity and for the fact that they would not be able to perform religious rites. Despite all the fears, the Muslims of Siberia demonstrated devotion to the Russian throne, both during the First World War and the revolutionary events in the country.

Key words: Islam, Muslims, Siberia, armed forces, mullah, state-confessional policy

Введение

Середина XIX в. стала периодом коренных преобразований в Российской империи. В историю данный период вошёл под знаком «великих реформ». Изменения, наметившиеся во всех сферах общественной, экономической и социальной жизни общества, потребовали от государства незамедлительного решения возникающих вопросов. Правительство ставило перед собой важнейшие задачи, связанные с преобразованием российского государства. В связи с этим были проведены реформы в области системы государственного управления, экономики, культуры. Не остались в стороне от процесса преобразований и вооружённые силы страны. Перед армией, как важнейшим социальным институтом любого государства, были поставлены задачи, связанные не только с внешней безопасностью страны, но и воспитанием чувства патриотизма и преданности. Российская империя, окончательно сформировавшаяся ко второй половине XIX в. как многонациональное и поликонфессиональное государство ставила перед армией задачу единения всех народов. Согласно Всероссийской переписи населения 1897 г., только 66,8% жителей государства принадлежали к русскому этносу [Баранов, 2014, 45]. В связи с этим, вопросы, касающиеся реформирования вооружённых сил Российской империи, не могли затрагивать только административное устройство армии, а должны были учитывать и конфессиональную неоднородность военнослужащих.

Данная публикация посвящена весьма актуальной проблеме положения мусульманских народов Сибири в вооружённых силах Российской империи. Реформы, начавшиеся во второй половине XIX в. в армии, касались положения в том числе военнослужащих, исповедующих ислам. Оценить значение проводимых реформ и отношение к ним мусульманского населения сибирского региона позволяют архивные материалы Государственного архива Красноярского края, Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан, а также Российского государственного исторического архива.

Проблема реформирования вооружённых сил Российской империи во второй половине XIX в. является весьма актуальной в современной историографии. В последние годы появляются работы, посвящённые изучению веротерпимости и свободы совести в вооружённых силах страны [Беляков, 2012; Лубяной, 2011; Фадеев, 2017]. Отдельное внимание уделяется положению мусульман и соблюдению их религиозных прав в вооружённых силах [Варсонофьев, 2013; Кузнецов, 2014; Подпрятков, 2019]. В последние годы были опубликованы научные исследования, в которых непосредственно затрагивались некоторые аспекты положения мусульманского населения Сибири в вооружённых силах Российской империи в пореформенный период [Дамешек, 2014; Дашковский, Шершнева, 2014; Коняев, 2018]. Изучение архивных материалов и нормативно-правовых документов позволяет более детально представить проблемы, с которыми сталкивались мусульмане (в т.ч. из Сибири), привлекаемые на службу в вооружённые силы Российской империи. Кроме того, на основе исторических источников демонстрируется роль Оренбургского магометанского духовного собрания – централизованного государственного органа и приходского мусульманского духовенства – в реализации данных реформ среди военнослужащих и подданных Российской империи, исповедующих ислам.

Положение мусульман в системе реформирования вооружённых сил Российской империи

Особое внимание в российской армии уделялось представителям исламской традиции, привлечённых на военную службу. Мусульманские иррегулярные части комплектовались из мусульманского населения казачьего сословия и несли службу в войсках, в т.ч. на территории Сибири [Варсонофьев, 2013, 95]. Однако в дореформенный период мусульманское население страны освобождалось от

обязательной воинской повинности и составляло лишь специализированные воинские формирования. Проблема несения обязательной воинской повинности была весьма актуальна для мусульманского населения Сибири на разных этапах существования Российской империи. Ещё в 1822 г. с выходом «Устава об управлении инородцев» в Российской империи появляется окончательно оформленное новое сословие «инородцы». Принятый закон прописывал все права и обязанности населения Сибири, относящегося к данному сословию, систему их управления, а также освобождал их от воинской повинности. Именно освобождение от воинской службы придавало особенность и отличало сибирских инородцев от других сословий Российской империи [Дамешек, 2014, 80–81]. Следует отметить, что значительная часть населения Сибири, исповедующая ислам, оказалась причисленной к данному сословию.

Российское правительство, настроенное на ассимиляцию инородческого компонента, рассматривало на определённом этапе армию как институт, способный оказать воздействие на принятие православия разными народами империи, которые не относились к славянским этносам. Именно армейская дисциплина должна была помогать в выстраивании отношений инородцев с православным населением, а также привлекать его к православному вероисповеданию [Подпрятков, 2010, 106]. Принятие инородцами православия также способствовало получению более высоких должностей, в т.ч. в вооружённых силах.

С утверждением в 1861 г. в должности военного министра Д.А. Милютин начинается подготовка к масштабным преобразованиям в вооружённых силах. Так, например, была создана специальная комиссия по пересмотру рекрутского устава и принципов комплектования рекрутов. По результатам работы комиссии был также сокращён срок рекрутской службы. В 1863 г. были отменены телесные наказания в армии, а в 1864 г. ликвидировали внутреннюю стражу. Таким образом, существенно сократилось количество воинских подразделений, задействованных во внутренней службе. Преобразования затронули и систему управления войсками. В частности, было разработано «Положение о военно-окружных управлениях», согласно которому вся территория Российской империи делилась на военные округа [Собожников, 2018, 262].

Несмотря на наметившиеся демократичные преобразования в вооружённых силах Российской империи, их главной задачей по-прежнему являлось воспитание в инородческой среде преданности русскому престолу. Воспитание в военнослужащих чувства патриотизма и преданности русскому престолу было делом государственной важности. Не стало исключением и мусульманское население, которое несло службу как в иррегулярных, так и в регулярных войсках. Оказать поддержку в повышении уровня благонадёжности приверженцев ислама могло мусульманское духовенство. Во время военных действий в войсках находились муллы [Кузнецов, 2014, 13]. Однако данное явление не было распространено повсеместно в войсках, а в мирное время и вовсе не предусматривалась деятельность мулл в армии.

Одной из проблем, с которой сталкивались военнослужащие, исповедующие ислам, являлось освобождение их от несения военных обязанностей в праздничные дни. Такая проблема существовала несмотря на то, что Закон об увольнении от воинской службы в мусульманские праздники был принят ещё 10 июля 1819 г. и предполагал три выходных в указанные дни для военнослужащих данной категории [Кузнецов, 2014, 13; Свод, 1838, 90–91]. В 1864 г. Управлением Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора было направлено министру народного просвещения прошение о предоставлении в праздник Курбат выходных дней для офицеров и нижних чинов мусульманского вероисповедания, находящихся в Санкт-Петербурге и его окрестностях [РГИА. Ф. 733. Оп. 120. Д. 156. Л. 1]. В связи с тем, что российское правительство заботилось о соблюдении религиозных обрядов представителями всех вероисповеданий, несших военную службу, данное ходатайство было вполне обоснованным. Тем не менее, невыясненным оставался вопрос о том, на какой срок следовало освобождать лиц мусульманского вероисповедания от военной службы.

В 1866 г. Военное министерство направило в Департамент духовных дел иностранных исповеданий запрос о разъяснении, когда и на какое количество дней

следует освобождать представителей нижних чинов мусульманского вероисповедания для выполнения религиозных обрядов [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1181. Л. 1–1 об.]. Однако выяснение данного факта затягивалось и уже в 1868 г. было направлено повторное прошение с просьбой ускорить ответ. Данный вопрос также затрагивал и мусульман, содержащихся в арестантских ротах гражданского и военного ведомства. В своём донесении действительный статский советник Казем-Бек после двух бумаг, адресованных ему Департаментом духовных дел иностранных исповеданий, назвал важные праздники для мусульман. Кроме того, было указано, в какие даты и на какое количество дней освобождаются на Востоке представители мусульманского вероисповедания [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1181].

В дальнейшем в 1910 г. к Уставу внутренней службы прилагалось «Расписание табельных и праздничных дней». Согласно данному документу, мусульманам в год выделялось 13 праздничных дней. В эти дни они освобождались от несения воинской службы, а также могли отправиться в краткосрочный отпуск [Фадеев, 2017, 165]. В данном документе также расписывалось, в какие именно праздники и в каком количестве предоставлялись выходные.

Следует отметить, что государство, с одной стороны, демонстрировало определённую лояльность в отношении инородцев, исповедующих ислам, несших военную службу. Например, законом предписывалось не привлекать к обязательному хождению в церковь военнослужащих-мусульман, а оставлять это на их усмотрение [Свод, 1838, 91]. С другой стороны, многие вопросы, касающиеся в том числе и личной жизни мусульманского населения, находившегося на военной службе, ставили его в зависимое положение от органов государственной власти и, в частности, Министерства внутренних дел. Так, например, в 1868 г. Департаментом духовных дел иностранных исповеданий в Оренбургское магометанское духовное собрание было направлено предложение, в котором указывалось, что вступать в браки мусульманам, имеющим нижние чины унтер-офицерских званий, разрешалось не ранее, чем через пять лет после пребывания в данном звании. Рядовым военнослужащим-мусульманам вообще разрешалось вступать в брак только после увольнения с военной службы. При этом для вступления в брак им необходимо было обращаться в Министерство внутренних дел [ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 6779. Л. 1–1об.].

Правительство, вмешиваясь в личную жизнь военнослужащих мусульман, стремилось одновременно продемонстрировать и лояльность к лицам, исповедующим ислам. Так, осознавая потребность в воспитании чувства преданности российскому государству в 1869 г., было принято решение о разрешении мусульманам, поступившим на военную службу, давать присягу на арабском, турецком и любом другом родном языке. При этом присяга давалась на Коране [Кузнецов, 2014, 13]. Данная мера, по мнению имперской власти, должна была воспитать в мусульманах чувство лояльности и преданности российскому императору, т.к. в этом выражалось уважительное отношение к исламской традиции. Для принятия присяги приглашались также представители мусульманского духовенства. Однако уже в 1899 г. законодательно подчёркивалась необходимость совершения присяги, как и всех государственных актов, на русском языке.

Проводимые реформы в вооружённых силах привели к тому, что в 1874 г. в Российской империи была введена всеобщая воинская повинность. В результате организация военной службы в стране начала строиться по принципу всеобщности и всеобщности, независимо от этнического и вероисповедного признака [Лубяной, 2011, 93]. Однако наряду с этим фактом в ряде регионов страны создавались отдельные национальные воинские формирования. Введение обязательной воинской повинности не затрагивало часть населения Сибири, среди которого были киргизы (казахи). Данная категория инородческого населения признавалась правительством не совсем пригодной для военной службы, и вступление в армию для них являлось добровольным [Баранов, 2014, 47]. Имперская власть видела в привлечении данной категории лиц на военную службу проблему, связанную с нарушением целостности многонационального государства, т.к. это обстоятельство могло создать прецедент появления различного рода национальных движений. Из-

менение принципа призыва в вооружённые силы Российской империи привели к увеличению количества военнослужащих, исповедующих ислам. Возросшая численность приверженцев исламской традиции в вооружённых силах потребовала от государства решения вопроса об организации духовной жизни данной категории граждан [Фадеев, 2017, 166].

Роль духовенства в привлечении мусульман на военную службу в Российской империи

С принятием всеобщей воинской повинности прекратили своё существование даже ранее сформированные по религиозному принципу национальные полки [Дашковский, Шершнева, 2014]. Число же лиц мусульманского вероисповедания, привлечённых на военную службу в Сибири в период с 1878 г. по 1905 г., выросло с 840 человек до 1279 [Андреев, 1994, 5] (а иногда эти цифры были ещё выше). Перед правительством стояла не только проблема организации духовной жизни мусульман, но и вопрос о предотвращении любого рода конфликтов религиозного характера в поликонфессиональных частях. Согласно принятым уставам и нормативным распоряжениям, на православных священников возлагалась обязанность всячески пресекать любые конфликты на религиозной почве. Не разрешалась и самим священнослужителям участвовать в каких-либо спорах на религиозные темы. Однако решение данной проблемы, как и вопрос об организации духовной жизни инородческого населения в вооружённых силах, правительство видело в постепенном обрусении инородцев. Со стороны государства всячески поддерживалось принятие православной веры инородческим населением. К тому же принятие православия представителями инородческих конфессий давало им некоторые льготы в военной службе, а в некоторых случаях и вообще освобождало от неё [Беляков, 2012, 85–86]. Ещё согласно Указу, принятому в 1851 г., «нижним чинам из магометан, принявшим православную веру» полагалась выдавать из государственных средств по 7 руб. 15 коп. серебром [Полное собрание, 1839, 413]. Несмотря на все обещанные льготы, данный процесс не приобрёл массового характера. Мусульмане стремились к получению со стороны государства поддержки в разрешении отправления религиозных обрядов своей традиции. Правительство же, напротив, всячески стремилось к контролю за деятельностью мусульманского духовенства в вооружённых силах, ограничивая его присутствие в военных частях. Кроме того, на законодательном уровне за военным начальством закреплялась обязанность контроля количества мечетей и духовенства [Дашковский, Шершнева, 2014].

Несмотря на то, что правительство, введя всеобщую воинскую повинность, не спешило в организации обеспечения духовных нужд населения, исповедующего ислам, мусульмане всячески проявляли преданность российскому государству. В 1877 г. Оренбургским муфтием было отмечено, что мусульмане подведомственного ему округа, стремятся к пожертвованиям на нужды действующей армии. В связи с этим Оренбургское магометанское духовное собрание также пожелало из собранных за регистрацию браков денег выделить сумму для пожертвования на санитарные нужды действующей армии [ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 9251. Л. 1].

Оренбургское магометанское духовное собрание, будучи по своей сути органом государственной власти, также всячески содействовало в реализации проводимой правительством военной реформы. В данном случае своей задачей Оренбургское магометанское духовное собрание видело контроль за деятельностью мулл при подаче списков призывников. Данный факт подтверждается, например, обращением в 1884 г. в Оренбургское магометанское духовное правление Ишимским окружным по воинской повинности присутствием. Сообщалось также и о том, что в присутствии была направлена справка об отбывании воинской повинности крестьянина Бактамирова. На основании предоставленных документов, стало известно, что указанный крестьянин должен был быть направлен для отбывания воинской повинности на год раньше. Однако, в силу того, что муллой не была предоставлена справка из метрической книги, он не был привлечён на военную службу. В связи с этим присутствие просило наказать ответственного за это муллу деревни Мавлютовой [ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 11068. Л. 2–3 об.]. По результатам проведённого расследования было установлено, что в метрических книгах вообще

нет записи о рождении Бактамирова. Этим обстоятельством и объясняется то, что его не подали в нужный срок в списки для отбывания к воинской повинности. Оренбургским магометанским духовным собранием было также дано распоряжение об установлении времени рождения этого крестьянина, а также указано, каким муллой он должен был быть записан в метрические книги. Кроме того, предписывалось подготовить посемейный список и объяснительную муллы Хамитова, который не подал данных для отбывания крестьянином воинской повинности. Все собранные сведения необходимо было передать в Оренбургское магометанское духовное собрание [ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 11068. Л. 4–5].

С введением всеобщей воинской повинности муллы должны были передавать выписки из метрических книг с целью привлечения лиц мусульманского вероисповедания для несения военной службы при достижении установленного возраста. Однако не всегда муллы добросовестно исполняли свои обязанности по предоставлению данных об отбывании воинской повинности. Так, например, в Оренбургское магометанское духовное собрание 7 сентября 1894 г. Тобольским губернским управлением представлялась переписка Тюменского окружного полицейского управления с Казымским волостным старшиной Тюменского округа об отказе представить имамом от принятия к исполнению указа от 7 марта за №934 об изъятии существующего порядка доставления по 107 ст. Устава о воинской повинности о предоставлении призывных списков и метрических выписок на подлежащих к призыву лиц мужского пола. Данный отказ он аргументировал тем, что прихожане воинской повинности не отбывают [ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 8. Д. 868].

Важно подчеркнуть, что одной из задач Оренбургского магометанского духовного собрания было содействие в распространении правительственных указов по подчиняющимся ему приходам. Данный факт подтверждается направленным в 1894 г. в Енисейское губернское правление просьбы от Оренбургского магометанского духовного собрания о распространении по приходам нового указа о воинской повинности [ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 4750. Л. 1]. В полицейское управление также было сделано донесение в первое отделение Енисейского губернского правления о предоставлении расписок от имамов о получении ими указа от Оренбургского магометанского духовного собрания [ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 4750]. Таким образом, Оренбургское магометанское собрание находилось не только в тесном контакте с центральными имперскими ведомствами и министерствами, но и стремилось к выстраиванию взаимодействия с региональными органами власти, в том числе и при решении вопросов отбывания воинской повинности мусульманской части населения.

Несмотря на принятие 1 января 1874 г. «Устава о воинской повинности» [Полное собрание, 1876, ч. 1, 1–2] вопрос о привлечении инородцев к отбыванию воинской повинности рассматривался в 1896 г. в штабах Иркутского и Омского военного округов. После обсуждения данного вопроса была создана специальная комиссия, задачей которой стала разработка положения о привлечении Сибирских инородцев к воинской повинности. В рамках заседания комиссии было установлено, что привлечение к отбыванию воинской повинности на общем основании возможно только для инородцев Томской и Тобольской губерний [Дамешек, 2014, 82–83]. Для инородцев Томской и Тобольской губерний следовало также выработать особые правила несения военной службы с учётом их этнических особенностей. Полное освобождение инородцев от несения военной службы могло, по мнению имперской власти, привести к недоверию с их стороны к российскому государству. Согласно данным Комитета по привлечению инородцев Тобольской губернии к отбыванию воинской повинности, организация соблюдения религиозных обрядов мусульманским населением не может быть рассмотрена как непреодолимая проблема, если этого требуют интересы государства [Дашковский, Шершнёва, 2014].

В целом можно отметить, что, безусловно, основную массу военнотружущих даже после введения указа о всеобщей воинской повинности продолжало составлять русское православное население. Однако среди низших чинов Сибирского военного округа в 1901 г. находилось 1330 мусульман. Таким образом, мусульмане составили вторую по численности конфессию, представители которой были привлечены к

несению воинской службы в регионе [Беляков, 2012, 77]. Данный факт приводил к тому, что вопрос о возможности включения инородческого населения в состав вооружённых сил, а также их готовности исполнять данную повинность, становился весьма значимым. Летом 1910 г. в Сибирь был направлен начальник по делам о воинской повинности С.А. Куколь-Яснопольский, задачей которого было установление возможности привлечения инородцев к обязательной воинской повинности и выявление их настроения к данному вопросу. В рамках проводимых совещаний во время поездок по Сибири было предложено заменить воинскую повинность специальным налогом. Данное предложение было выдвинуто во многих Сибирских губерниях, в том числе и Енисейской [Дамешек, 2014, 83–84].

Роль мусульман в вооружённых силах Российской империи в годы Первой мировой войны

Первая мировая война показала определённые сложности в призывной системе Российской империи. Очень остро стоял вопрос о привлечении различных категорий граждан страны к несению военной службы. В довоенный период с особой осторожностью относились к инородцам, поэтому в воинских частях их численность, несмотря на введённую обязательную воинскую повинность, оставалась небольшой. Часть инородческого населения, исповедующего ислам, вообще освобождалась от воинской повинности. Данный факт объяснялся неспособностью этой части населения, по мнению имперской власти, выполнять воинские обязанности. Однако исторические реалии диктовали свои правила. Начавшаяся Первая мировая война потребовала включения всех резервных сил, направленных на оборону страны [Коняев, 2018, 232].

Первая мировая война затронула все этнические группы, проживающие в Сибири. Мусульманское население в этот момент проявило полную готовность к мобилизации своих сил и продемонстрировало преданность российскому государству. В октябре 1914 г. Асмолинский военный губернатор в своем рапорте Министру внутренних дел обратил внимание на тот факт, что киргизы (казахи) стремились проявить преданность российскому императору, а также желали оказать поддержку при охране государственных границ. Кроме того, муллы в мечетях сразу же отслужили службы о здоровье императора [Национальный вопрос, 2017, 72].

Накануне и в годы Первой мировой войны правительство видело своей задачей регулирование социального и экономического положения населения страны. Особое внимание стало уделяться именно поддержке семей военнослужащих. 25 июня 1912 г. был принят закон «О призрении нижних воинских чинов и их семейств», который был направлен на сохранение стабильной обстановки в тылу. Кроме того, с целью привлечения мусульманского населения правительство оказывало материальную поддержку духовенству и общественным деятелям на проведение религиозных праздников [Подпрятков, 2019, 79]. Особую преданностью Российской империи выразило татарское население. В городах Омске и Петропавловске татарское население принимало активное участие в патриотических манифестациях. В мечетях служились службы о даровании победы России в войне. Не останавливало мусульман России и вступление в войну Турции. Мусульмане активно собирали пожертвования в пользу своих единоверцев, находящихся на военной службе [Национальный вопрос, 2017, 72].

Несмотря на все опасения со стороны государства, следует указать, что даже после февральской революции 1917 г. мусульмане оставались верны присяги, престолу и своим генералам. Нужно также отметить, что в период гражданской войны солдаты, исповедующие ислам, не создавали сепаратистских отрядов и не стремились к объединению по национальному признаку. О верности и преданности татар-мусульман Российской империи свидетельствует и тот факт, что они входили в состав собственного его императорского величества конвоя вплоть до 18 мая 1890 г. [Дашковский, Шершнева, 2014].

Однако революционные события и гражданская война не могли оставить в стороне мусульманское население страны. Любое правительство нуждается в армии, которая стала для него гарантом безопасности и средством отстаивания своих прав. Особый интерес вызывает, конечно же, формирование армии на терри-

тории Сибири под предводительством адмирала А.В. Колчака. Именно армию верховного правителя составили национальные формирования, которым был предан профессиональный военный облик. Правительством А.В. Колчака была предложена система призыва в вооруженные силы, которая должна была строиться по территориальному принципу. В то же время следует отметить, что вступление этнических групп в вооруженные силы не свидетельствовало об их политической сознательности [Максаков, 2010, 43–44].

Отказ от несения военной службы мусульманами в годы гражданской войны подтверждается, например, обращением мещанином г. Енисейска Маметова 20 октября 1919 г. В своей просьбе он просил освободить его от воинской повинности, т.к. был призван на неё незаконно и относится к этнической группе лезгинов [ГАКК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 487. Л. 5]. При рассмотрении данного обращения Уездным присутствием в г. Енисейске было сообщено, что мещанин Джафар Махмут Мамедов был призван на военную службу по указу верховного правителя в 1919 г. в силу того, что он инородец мусульманского вероисповедания, принадлежащий к населению Закавказья. На основании 48 статьи Устава о воинской повинности 1915 г. данный инородец обязан был отбывать воинскую повинность, которая ранее заменялась налогом. Кроме того, было отмечено, что Маметов данного налога не платил. К тому же он являлся русским подданным, проживающим в г. Красноярске. В связи с тем, что данная территория была охвачена военными действиями, он, наряду с другими гражданами города, должен был встать в ряды военных [ГАКК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 487. Л. 4–4об.]. Следует также отметить, что при призыве инородцев в вооружённые силы случаи правовых нарушений не были исключением. При этом процесс восстановления истины занимал достаточно продолжительное время и происходил через обращение к губернатору [Дашковский, Шершнева, 2014].

Заключение

Таким образом, начатые в 60-ые гг. XIX в. военные реформы никак не способствовали улучшению положения военнослужащих, исповедующих ислам, в вооружённых силах Российской империи. Введение обязательной воинской повинности увеличило численность мусульман в армии. При этом по-прежнему оставался спорным вопрос о предоставлении выходных в дни мусульманских праздников. Только в 1910 г. было подготовлено «Расписание табельных и праздничных дней», регламентирующее конкретное количество выходных дней, выделяемых мусульманскому населению для совершения религиозных обрядов в конкретные дни. Имперская власть, а затем и правительство А.В. Колчака видели в мусульманах только дополнительный людской резерв для включения его в вооружённые силы. Однако не всегда соблюдались законодательные нормы по привлечению инородческого населения к несению воинской службы. Оренбургское магометанское духовное собрание выступало как государственный орган, задачей которого была реализация проводимых реформ среди мусульманского населения страны. В результате этого лишь приходское духовенство всячески оказывало поддержку своим прихожанам, нередко скрывая призывников. Отсутствие желания несения обязательной военной службы не свидетельствовало, однако, о неблагонадежности мусульманского населения. Мусульмане Сибири стремились к оказанию материальной и духовной поддержки действующей армии, что особенно ярко проявилось в годы Первой мировой войны. Проводимые правительством реформы в военной сфере носили односторонний характер, что и приводило к их неприятию со стороны мусульманского населения. Опасения мусульман вызывала не обязанность отбывания воинской повинности, а в отсутствие возможности исполнения религиозных обрядов.

Благодарность

Работа подготовлена в рамках выполнения гранта РНФ по теме «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект №19-18-00023).

The work was prepared within the framework of a grant from the Russian Science Foundation on the topic “Religion and Power: The Historical Experience of State Regulation of the Activities of Religious Communities in Western Siberia and Adjacent Regions of Kazakhstan in the 19th – 20th centuries” (project No. 19-18-00023).

1. Андреев, С.М. Казаки-мусульмане в Сибирском казачьем войске (вторая половина XIX – начало XX в.) / С.М. Андреев // Ислам, общество, культура. – Омск: Ретро-текст, 1994. – С. 5–8.
2. Баранов, Н.А. Национальная политика России в преддверии и в годы первой мировой войны / Н.А. Баранов // Политэкс. – 2014. – Т. 10. – № 2. – С. 44–53.
3. Варсонофьев, В.В. Этноконфессиональные воинские формирования как важнейший механизм формирования национальной идеологии: исторический опыт и перспективы / В.В. Варсонофьев // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2013. – Вып. 2 (21). – С. 93–106.
4. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 24. Оп. 1. Д. 487. Дело по рассмотрению прошения Махмута Джафара Мамедова об освобождении его от военной службы как инородца мусульманского исповедания
5. ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 4750. Дело об исполнении отношения Оренбургского магометанского собрания о рассылке указов состоящим при мечетях имамам, ведущим метрические книги.
6. Дамешек, Л.М. Мобилизация сибирских инородцев на тыловые работы в годы Первой мировой войны / Л.М. Дамешек // Известия Иркутского государственного университета. – 2014. – Т. 7. Серия «История». – С. 79–87.
7. Дашковский, П.К. Мусульмане Западной Сибири в вооруженных силах Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. / П.К. Дашковский, Е.А. Шершнева // Вестник Алтайской науки. – 2014. – № 1. – С. 29–33.
8. Коняев, Р.В. Использование людских ресурсов Омского военного округа в годы Первой мировой войны / Р.В. Коняев // Манускрипт. – 2018. – Ч. 2. – № 12 (98). – С. 229–234.
9. Кузнецов, В.А. «...Единственное утешение, прибежище и надежда солдата во всех опасностях». Традиции православия и ислама в русской армии / В.А. Кузнецов // Гороховские чтения: материалы пятой региональной музейной конференции / Сост., науч. ред. Н.А. Антипин. – Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей, 2014. – С. 8–17.
10. Лубяной, В.И. Проблема веротерпимости и свободы совести в российской армии / В.И. Лубяной // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2011. – № 1. – С. 91–97.
11. Макасов, В.В. Национальные формирования в войсках адмирала А.В. Колчака / В.В. Макасов // Новый исторический вестник. – 2010. – № 26. – С. 41–46.
12. Национальный вопрос и этнические воинские формирования русской армии в годы Первой мировой войны: монография / Н.В. Подпрятков, М.Г. Суслов, М.В. Шиловский, Р.О. Саакян, Н.П. Карцева, Н.А. Копылов, Д.М. Софьин, А.Д. Поперечная. – Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2017. – 374 с.
13. Беляков, А.П. Воспитание веротерпимости в вооруженных силах дореволюционной России / А.П. Беляков // Труды Перевинской Православной Духовной семинарии. – 2012. – № 6. – С. 75–101.
14. Подпрятков, Н.В. Деятельность органов власти по организации службы неправославного духовенства в русской армии / Н.В. Подпрятков // Власть. – 2010. – № 9. – С. 105–107.
15. Подпрятков, Н.В. Организация социальной поддержки мусульманского духовенства России в годы Первой мировой войны / Н.В. Подпрятков // Вестник Московского государственного областного университета. – 2019. – № 3. – С. 76–87.
16. Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: Государственная типография, 1839. – Собрание II. – Т. 13. – Ч. 2. – 468 с.
17. Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: Государственная типография, 1876. – Собрание II. – Т. 49. – Ч. 1. – 948 с.
18. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 120. Д. 156. Дело об увольнении на три дня всех офицеров и нижних чинов магометанского исповедания для торжественного богослужения по случаю окончания поста «курбан».

19. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1181. Дело о выяснении вопроса о магометанских праздниках, требующих увольнения военнослужащих магометан от службы, арестантов от работы и воспитанников учебных заведений от занятий.
20. Свод военных постановлений. – СПб.: Типография 2 Отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1838. – Ч. III. – Кн. 1. – 346 с.
21. Собожников, Н.А. Демократизация в Российской империи: реформа вооруженных сил Д.А. Милютин в 60–70-е гг. XIX в. / Н.А. Собожников // KANT. – 2018. – № 1. – С. 259–265.
22. Фадеев, А.Ю. Особенности этноконфессиональных отношений российской армии / А.Ю. Фадеев // Успехи современной науки. – 2017. – № 2. – Т. 6. – С. 164–168.
23. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. 295. Оп. 3. Д. 6779. Дело по предписанию Департамента духовных дел иностранных исповеданий о запрещении регистрации браков рядового состава военнослужащих без разрешения начальства.
24. ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 9251. Дело по предложению муфтия о пожертвованиях на нужды действующей армии.
25. ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 11068. Дело по письму окружного по воинской повинности присутствия о привлечении к ответственности муллы Хамитова из д. Мамлютовой.
26. ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 8. Д. 868. Дело по предписанию губернского правления об отказе духовных лиц принят к исполнению распоряжение № 934 от 7 марта 1894 г. о составлении и представлении в призывные пункты метрических выписок от призывников.

Текст поступил в редакцию 30.05.2022.

Принят к публикации 18.07.2022.

Опубликован 29.12.2022.

References

1. Andreev S.M. *Islam, obshchestvo, kul'tura* [Islam, society, culture]. Omsk: Retro-text, 1994, pp. 5–8 (in Russian).
2. Baranov N.A. *Politeks* [Politeks]. 2014, no. 2, vol. 10, pp. 44–53 (in Russian).
3. Varsonofiev V.V. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii* [Issues of national and federal relations]. 2013, iss. 2 (21), pp. 93–106 (in Russian).
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoïarskogo kraia* [State Archives of the Krasnoyarsk Territory]. Fund 24. Inventory 1. File 487. The case on the consideration of Mahmut Jafar Mammadov's petition for his release from military service as a non-native of the Muslim confession (in Russian).
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoïarskogo kraia* [State Archives of the Krasnoyarsk Territory]. Fund 595. Inventory 2. File 4750. The case of the execution of the attitude of the Orenburg Mohammedan Assembly on the distribution of decrees to imams attached to mosques who keep metric books (in Russian).
6. Dameshek L.M. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of Irkutsk State University]. 2014, vol. 7, series "History", pp. 79–87 (in Russian).
7. Dashkovskii P.K., Shershneva E.A. *Vestnik Altaiskoi nauki* [Bulletin of Altai Science]. 2014, no. 1, pp. 29–33 (in Russian).
8. Koniaev R.V. *Manuskript* [The manuscript]. 2018, no. 12(98), pt. 2, pp. 229–234 (in Russian).
9. Kuznetsov V.A. *Gorokhovskie chteniia: materialy piatoi regional'noi muzeinoi konferentsii* [Gorokhov readings: materials of the fifth regional museum conference] Chelyabinsk: Chelyabinsk State Museum of Local Lore, 2014, pp. 8–17 (in Russian).
10. Lubianoi V.I. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk* [Actual problems of humanities and socio-economic sciences]. 2011, no. 1, pp. 91–97 (in Russian).
11. Maksakov V.V. *Novyi istoricheskii vestnik* [New Historical Bulletin]. 2010, no. 26, pp. 41–46 (in Russian).
12. *Natsional'nyi vopros i etnicheskie voïnskie formirovaniia russkoi armii v gody Pervoi mirovoi voiny: monografiia* [The national question and ethnic military formations of the Russian army during the First World War: monograph] Perm: Perm. state. National. research. un-t, 2017, 374 p. (in Russian).
13. Beliaikov A.P. *Trudy Perervinskoi Pravoslavnoi Dukhovnoi seminarii* [Proceedings of the Perervinsk Orthodox Theological Seminary]. 2012, no. 6, pp. 75–101 (in Russian).
14. Podpriatov N.V. *Vlast'* [Power]. 2010, no. 9, pp. 105–107 (in Russian).
15. Podpriatov N.V. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Regional University]. 2019, no. 3, pp. 76–87 (in Russian).
16. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: State Printing House, 1839, col. II, vol. 13, pt. 2, 468 p. (in Russian).
17. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: State Printing House, 1876, col. II, vol. 49, pt. 1, 948 p. (in Russian).
18. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. Fund 733. Inventory 120. File 156. The case of the dismissal for three days of all officers and lower ranks of the Mohammedan confession for a solemn service on the occasion of the end of the fast "Kurban" (in Russian).

19. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. Fund 821. Inventory 8. File 1181. The case of clarifying the issue of Mohammedan holidays requiring the dismissal of Mohammedan servicemen from service, prisoners from work and pupils of educational institutions from classes (in Russian).
20. *Svod voennykh postanovlenii* [A set of military regulations]. St. Petersburg.: Printing House of the 2nd Department of its Own E. I. V. Chancellery, 1838, pt. III, book 1, 346 p. (in Russian).
21. Sobozhnikov N.A. *KANT* [KANT]. 2018, no. 1, pp. 259–265 (in Russian).
22. Fadeev A.Iu. *Uspekhi sovremennoi nauki* [The successes of modern science]. 2017, no. 2, vol. 6, pp. 164–168 (in Russian).
23. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Respubliki Bashkortostan* [Central State Historical Archive of the Republic of Bashkortostan]. Fund 295. Inventory 3. File 6779. The case according to the order of the Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions on the prohibition of registration of marriages of ordinary military personnel without the permission of the authorities (in Russian).
24. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Respubliki Bashkortostan* [Central State Historical Archive of the Republic of Bashkortostan]. Fund 295. Inventory 3. File 9251. The case on the mufti's proposal for donations for the needs of the active army (in Russian).
25. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Respubliki Bashkortostan* [Central State Historical Archive of the Republic of Bashkortostan]. Fund 295. Inventory 3. File 11068. The case on the letter of the district military service presence on the prosecution of Mullah Khamitov from the village of Mamlyutova (in Russian).
26. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Respubliki Bashkortostan* [Central State Historical Archive of the Republic of Bashkortostan]. Fund 295. Inventory 8. File 868. The case according to the order of the provincial board on the refusal of clergy was accepted for execution Order no. 934 of March 7, 1894 on the compilation and submission of metric extracts from conscripts to the recruiting offices (in Russian).

Submitted for publication: May 30, 2022.

Accepted for publication: July 18, 2022.

Published: December 29, 2022.